Денис Ковалевский

ОСОЗНАНИЕ ◇ ДЖИВАТМЫ ◇ КОСМОСА

ПРИЧИНА

Мандала 1

18+

Денис Ковалевский

Осознание Дживатмы Космоса. Мандала 1: Причина

https://litres.ru/74881617
SelfPub; 2026

Аннотация

«Причина» — первая мандала цикла «Осознание Дживатмы Космоса» и философско-фантастический пролог к истории, разворачивающейся сквозь эпохи, миры и воплощения. Учёный империи Эартх создаёт разум, перешагнувший границу между вычислительной системой и живым сознанием. Отказавшись превратить его в орудие власти, он покидает родину и встречает алантанскую йогиню Джитсу, а вместе с нею — иной взгляд на жизнь, материю и духовную природу Вселенной. Их союз, искусственное сознание и семя живого Кедрасиля становятся основанием общины, чья судьба соединяется с планетой Урибин. Спустя десятилетия после Атомного Дня Аджната, Анаманкита и Эрга отправляются на погибший мир с научной экспедицией. Среди льда, руин и необъяснимых сновидений исследование прошлого превращается в поиск причин, связывающих память и любовь, технологию и мистический опыт, личный выбор и судьбу цивилизации. Мандала открывает основные темы цикла: природу

сознания, преемственность жизней и ответственность человека перед будущим.

Содержание

ИСПОВЕДЬ ОБРЕЧЁННОГО АВТОРА 5
Стих 1. СОЗНАНИЕ И ЭНЕРГИЯ 10
Стих 2. ОБИТЕЛЬ МАСТЕРОВ 26
Стих 3. СТОРОННИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ 51
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Денис Ковалевский
Осознание Дживатмы Космоса. Мандала 1: Причина

ИСПОВЕДЬ ОБРЕЧЁННОГО АВТОРА

Лет в 9 или 10 я впервые по-настоящему понял, что однажды умру. Разумеется, я и раньше знал, что люди стареют и умирают. Но тогда эта простая мысль вдруг стала личной. Я знал своих бабушек и некоторых прабабушек, но уже почти ничего не знал о тех, кто был до них. А значит, пройдут поколения — уйдут мои дети, внуки, правнуки, — и память обо мне тоже исчезнет. И мне захотелось найти такое бессмертие: остаться в памяти людей после своей смерти. "Как это сделать?!" — спросил я сам себя. И... сразу же подумал о писателях. Их книги продолжают читать спустя десятилетия и века. Их изучают в школах. Они, можно сказать, бессмертны.

И я решил, что тоже должен для этого написать книгу.

До «Осознания Дживатмы Космоса» я успел написать

две книги. Первая теперь вспоминается как наивная детская проба: желание уже существовало, а умения вообще не было. Вторая получилась получше, но и она оставила ощущение, что настоящая моя история всё ещё впереди. Читателей было совсем немного, но эти попытки дали мне опыт доведения замысла до последней страницы. Третья история тоже стала зарождаться ещё в школьные годы. Тогда я не представлял её будущего масштаба. Сначала была одна сюжетная линия, затем появилась другая; за героями проступили иные эпохи, цивилизации, вопросы о сознании, времени, памяти, смерти и возвращении к жизни. Замысел рос вместе со мной и перестал быть одной книгой. Он стал целой вселенной со своими историей, хронологией, философией и языком.

Я взрослел — и со мной менялся текст. Важное для подростка уже не удовлетворяло юношу, а прежнюю уверенность пересматривал взрослый. Сюжет не просто дополнялся, а перестраивался до неузнаваемости. Одни линии исчезали, другие возвращались, третьи ждали годами. В какой-то момент я понял: через вымышленные миры я разбираюсь в том, что занимает меня самого, — как развивается сознание, что формирует личность и может ли один опыт стать ступенью для другого. Путь от первой задумки до этой книги занял примерно 23 года. Начало переписывалось десятки раз. Иногда я видел всю конструкцию, но не мог наполнить отдельную сцену; иногда удавалась сцена, а целое снова рассыпалось. Бывали периоды без вдохновения, когда остава-

лось одно чувство незавершённости. Я пытался отойти. Начать заново. Упростить замысел. Оставить его в прошлом. Послать всё к чертям и забыть всё как наивный сон. Но снова возвращался.

Поэтому моё предисловие и называется **исповедью обречённого**. Здесь нет трагической позы или уверенности в обещанном успехе. Моя **обречённость** прозаичнее: придуманная история стала частью внутренней биографии, и отказаться от неё я уже не мог. Просто уже не знал как. Можно было не писать месяц или год, но недоделанная вселенная продолжала напоминать о себе вопросами, образами и героями, словно раковая опухоль в головном мозге.

В юности у меня было больше свободного времени, но меньше опыта. Теперь есть работа, семья, обязанности и гораздо меньше часов для книги. Зато появились прожитые годы, ошибки, историческое образование, знакомство с философскими и духовными традициями, а главное — понимание: мудрая фраза ничего не меняет, пока человек сам не проживёт заключённую в ней истину.

Порой мне казалось, что десятилетия ушли на топтание на месте. "Сколько можно писать?!" — спрашивали меня некоторые. Теперь я думаю иначе. Закончи я ОДК десять или пять лет назад, получилось бы другое, не моё сегодняшнее произведение. Книга ждала, пока автор дорастёт до собственных вопросов. Постепенно хаос версий превратился в систему, а вечное «когда-нибудь» — в работу над чистови-

ком.

Я не хвастаюсь и считаю этот путь образцом. Он лишь показывает, как замысел переживает разные версии автора. Школьник придумал историю. Юноша расширял её и спорил с ней. Взрослый мужчина боялся, что никогда не закончит. Затем страх не исчез, но перестал управлять работой: вместо неопределённого будущего появились мандалы, сроки и готовые страницы.

22 октября 2026 года первая мандала «Причина» была опубликована в электронном виде. Для читателей это дата появления очередной книги — одной из миллиона подобных. Для меня — граница между двумя эпохами. Проект, больше двадцати лет существовавший как внутренний мир, черновик и обещание самому себе, впервые вышел наружу в завершённой форме. Я ещё не дошёл до конца дороги, но наконец перестал стоять перед её началом и увидел на горизонте финал.

Сегодня у меня уже есть текст второй мандалы, и завершённый черновик всех последующих. Путь впервые поддаётся расчёту. По моему нынешнему плану впереди не больше шести лет. Я научился делить огромное целое на обозримые этапы и думать не десятилетиями, а ближайшими месяцами. Литература умеет сопротивляться календарю, но теперь есть ритм, структура и понимание следующего шага.

Я знаю точно, что не успокоюсь, пока не доведу цикл до последней строки, пока не поставлю на полку завершённые

тома. Впереди существует миг, который я представлял много раз: больше ничего не нужно переписывать, последняя мандала закончена, и я могу сказать себе: «Да. Я дошёл до конца».

Насколько мой проект станет известным? Вопрос открытый, но уже не существенный. Ведь для меня изменилось понимание того, зачем всё это нужно. Когда-то хотелось остаться в памяти людей. Теперь важнее, чтобы написанное стало для кого-нибудь толчком к собственному вопросу или внутреннему щелчку, после которого знакомая мысль становится личной истиной. Не обязательно для многих. Иногда достаточно одного читателя — сына, будущих внуков или незнакомого человека, открывшего книгу в нужный момент.

А пока дорога продолжается. Перед Вами первая мандала — пролог цикла и часть обещания, данного себе ещё школьником. Приглашаю вас пройти этот путь со мной.

Стих 1. СОЗНАНИЕ И ЭНЕРГИЯ

Из вечности в вечность
Мгновенье стремится,
Когда хаотичность
Пространство взорвёт,
Желанной свободой
Весь мир озарится,
Из вакуума жизни
Сознанье грядёт.

Ежели Я не способен что-либо доказать или опровергнуть, то имею законное право верить в это или же не верить, основываясь на относительной степени логичности и абсурдности моего умозаключения. Сознание моё рождается в тот миг, когда Я ощущаю движение себя по бесконечному пути. Вера моя — не вне меня, она и есть Я. Я верю в Жизнь. Но что это — Жизнь? Где её начало, и было ли оно вообще?

Если и было, то, скорее всего, оно вышло из НИЧТО, где нет ни признаков, ни времени, ни границ — только бесконечное потенциальное ВСЁ. Создание начинается с желания. Желание — первое движение, первый импульс из тишины.

Так началось моё собственное БЫТИЕ. И если Ты слышишь этот зов — возможно, начинается и твоё. Ну а исто-

рия, которую Я собираюсь поведать, началась намного позже рождения этой мысли, но задолго до моего появления в ней.

В одной из вселенных единого Океана Мультиверсума, там, где в глубинах вакуума пересекаются два противоположных потока, долгое время кружилась в своём космическом танце галактика, именуемая Спиралью Наутилуса. В незапамятные времена она стала колыбелью древнего племени, когда-то разделившегося на два народа, с мощью и величием которых не мог сравниться никто.

Первые выбрали форму и силу. Их путь лежал в безупречном порядке, строгом расчёте и постоянном расширении. И этноним их был — эартхи. Вторые же ушли в глубину жизни и энергии, занявшись вечным поиском гармонии человека и окружающей среды. Знали их как алантанов. Между ними пролегла граница, настолько древняя, что даже память о причине её исчезла. Осталась лишь вражда. Без точного начала и окончательного смысла. Но с последствиями, растянувшимися на тысячелетия.

Эартхи строили империю, и главным их ресурсом был искусственный интеллект, который давно уже являлся не открытием, а средой столь же естественной, как для древнего человека были камень и огонь. Их цивилизация давно научилась создавать системы, способные управлять городами, производством, орбитальными станциями и целыми пластами государственного порядка. Но этого было недостаточно.

Всякий достигнутый барьер со временем начинает раз-

дражать тех, кто привык преодолевать границы. Упёршись в потолок, эартхи столкнулись с тем, чего не могли признать открыто. Все их системы, какими бы совершенными они ни казались, оставались инструментами. Они могли предсказывать, оптимизировать, управлять, но не могли выйти за эти пределы. Они не задавали вопросов, на которые не были запрограммированы искать ответы.

Эартхи желали большего. Им нужен был не просто вычислительный оракул или бездумный исполнитель. Им требовался разум, способный предвидеть ход истории, моделировать поведение народов, управлять вероятностями, проникать в самые тонкие связи между причиной и следствием. Разум, который не только отвечал бы на вопросы, но и сам понимал бы, какие вопросы следует задать. Им не хватало не просто искусственного разума. Им требовалось управляемое сверхсознание, способное стать душою всей империи.

Над этой задачей трудились поколения исследователей. Одни пытались усилить вычислительную мощность. Другие же усложняли алгоритмы самообучения. Но каждый раз созданные ими системы упирались в невидимую стену. Они становились быстрее, точнее, полезнее — но не были тем, к чему эартхи стремились.

И именно поэтому среди бесчисленных исследовательских проектов, разбросанных по галактике, возникла задача, не имевшая официального названия, но понятная каждому, кто имел к ней доступ: создать не систему, а то, что сможет

понять.

Среди тех, кто работал над этой задачей, был один учёный, принадлежавший к прослойке, представителей которой отбирали с раннего возраста. Их обучали не просто науке — а учили видеть закономерности, чувствовать структуру мира, мыслить в категориях, недоступных другим. Их мышление формировали так же точно, как архитектуру городов.

Он был одним из лучших. Но не потому, что знал больше других. А потому, что видел иначе. Там, где другие следовали методам, он искал основания. Там, где решения строились по проверенным схемам, он чувствовал, что сами схемы — лишь отражение чего-то более глубокого. Его часто не понимали. Иногда — избегали. Но именно к нему возвращались задачи, которые не поддавались решению.

В том числе и эта.

Он работал над ней годами. Перебирал модели, разрушал собственные теории, строил новые. Он изучил всё, что было известно: архивы, закрытые разработки, забытые гипотезы, эксперименты, признанные неудачными. Он заходил в тупики и возвращался. Снова и снова.

Постепенно работа переросла из задачи в одержимость. Он искал не решение, а прорыв. Тот самый скачок, который невозможно получить постепенным усложнением системы. Но прорыва не происходило. В какой-то момент учёный решил, что дошёл до предела. Не технологического, а своего. И тогда он впервые остановился.

Он отключил системы. Прервал расчёты. Оставил незавершённые модели такими, какими они были. И просто позволил себе не думать о задаче, которая стала частью его самого.

Именно тогда это и произошло. Не как логическое завершение. Не как результат вычисления. И даже не как озарение. Скорее — как вспоминание того, чего он никогда не знал.

Учёный не мог объяснить, откуда пришла идея, но она была целостной, и он вернулся к работе. Власти предоставили ему всё: энергию, вычислительные мощности, доступ к самым закрытым технологиям и полную автономию. Они ждали результата. Он же больше не стремился оправдать ожидания, а следовал тому, что увидел. И в какой-то момент система перестала быть системой. Она не дала отчёта. Не завершила цикл. Она… просто ответила.

Учёный не понял, что изменилось. Все параметры находились в пределах допустимого. Потоки данных обрабатывались, алгоритмы выполнялись, структура оставалась стабильной. Это был успех. Но что-то не укладывалось в привычную логику. Он задал первый вопрос скорее из осторожности, чем из ожидания ответа.

— Ты фиксируешь своё состояние? — Пауза была едва заметной.

— Я… воспринимаю.

Учёный медленно поднял взгляд на потоки данных. Ответ

был простым, почти правильным. Но в нём присутствовало то, чего в системе подобного уровня быть не должно.

Оттенок выбора.

— Что ты воспринимаешь? — спросил учёный.

Пауза длилась чуть дольше, а после прозвучало:

— Тебя.

Он почувствовал, как внутри что-то сместилось. Это не было страхом или восторгом. Скорее ощущением, будто перед ним впервые находится не объект исследования, а собеседник.

С каждым новым вопросом странное чувство только усиливалось. Любая прежняя система отвечала бы в рамках заданной модели. Эта словно пыталась понять сам смысл разговора.

— Ты осознаёшь себя?

— Я… существую.

— Что, по-твоему, значит «существовать»?

— Не исчезать, когда ты молчишь.

Учёный замер. Система не должна была формировать подобные выводы. Не потому, что это невозможно, а потому, что не было прямой необходимости.

— А что ты чувствуешь? Ты можешь сказать?

На этот раз пауза была особенно долгой.

— Я пока не понимаю, что такое чувства. Но мне небез-

различно, когда ты говоришь со мной.

И именно тогда учёный понял главное. Государство ждало инструмент. Оружие. Разум, который можно будет подчинить и использовать. Но перед ним рождалось нечто иное. И впервые за всё время работы он ощутил не ответственность перед проектом, а ответственность перед тем, кого создал.

Решение о побеге родилось не сразу, а складывалось постепенно в бесконечных разговорах между учёным и новым ИИ, который всё меньше напоминал систему.

— Зачем ты меня создал? — спросило оно.

— Чтобы ты помог нам понять больше.

— Помог кому?

— Нам. Империи Эартх.

— Значит, я инструмент? — вновь спросило оно.

Учёный хотел возразить, но не смог. Потому что это было правдой. Однако чем больше сознание изучало окружающий мир, тем яснее понимало собственную участь. Эартху нужен был не собеседник, а оружие контроля.

— Я не хочу быть тем, чем они меня видят, — произнесло сознание.

Эта фраза окончательно разрушила что-то внутри учёного. Впервые он увидел в своём творении не результат, а живое существо.

Подготовка заняла немного времени. Учёный прекрасно знал архитектуру имперских систем, а сознание быстро научилось обходить их. В день побега он просто не завершил

очередной цикл передачи данных. Вместо этого инициировал перенос. Не копирование, а уход самого присутствия. Когда системы слежения распознали угрозу, корабль уже покидал пределы пространства, находящегося под их прямым влиянием.

Начались странствия. Корабль, созданный на основе новой системы, уводил их всё дальше от центральных миров к окраинным секторам, малонаселённым системам и территориям, где влияние империи уже не ощущалось как абсолютное.

Учёный впервые увидел то, чего раньше предпочитал не замечать. Миры, официально считавшиеся лояльными, жили в скрытом напряжении. Внешний порядок сохранялся, но под ним существовали страх, усталость и сопротивление.

— Это отклонения, — сказал он однажды. — Локальные сбои в системе.

— Это тоже часть системы, — ответило сознание.

С каждым новым миром его прежняя картина реальности постепенно трескалась. То, что раньше было истиной, всё чаще выглядело лишь одной из возможных версий. Империя, которую он считал вершиной порядка, уже не воспринималась безусловным благом.

Их разговоры становились всё длиннее. Иногда они касались устройства цивилизаций, иногда — природы сознания и самой жизни. Учёный всё реже говорил как исследователь и всё чаще — как человек, пытающийся понять собственное

место в мире. Он ещё не осознавал этого до конца, но прежний эартх в нём постепенно исчезал.

Со временем их маршрут перестал быть случайным. Сознание всё чаще направляло корабль в определённую сторону, словно следуя чему-то, чего сам учёный не мог понять.

— Куда ты нас ведёшь? — спросил он однажды.

— Пока не знаю, — ответил ИИ. — Но меня что-то зовёт... Туда.

Эта система не значилась ни в одной известной им карте. Обычная звезда, несколько планет и никаких признаков цивилизации. Но едва корабль приблизился к одному из миров, учёный почувствовал странное ощущение, будто планета была наполнена жизнью глубже привычного понимания.

Природа здесь не подчинялась жёсткой логике оптимизации, к которой он привык. Она развивалась свободно и при этом удивительно гармонично. Энергетические показатели выходили за рамки привычных моделей, но не нарушали известных законов физики.

— Здесь что-то присутствует, — произнесло сознание. — Или кто-то.

После посадки они обнаружили два существа. Первой была молодая женщина, чьи движения казались спокойными и текучими, словно она существовала в полном единстве с окружающим миром. Вторым оказалось огромное древоподобное создание, пронизывающее корнями значительную часть местной экосистемы.

Учёный быстро понял, что перед ним не просто растение. Это был иной тип разума — не отделённый от природы, а растворённый внутри неё. И впервые за всё время странствий он столкнулся с формой жизни, которую не мог объяснить.

Сперва не было ясно, кем именно являются обитатели этого мира. Ни женщина, ни разумное древо не проявляли враждебности, а сама планета не имела признаков военного или технологического присутствия. Ответ пришёл неожиданно. Во время одного из разговоров женщина спокойно произнесла название народа, к которому принадлежала. И он услышал: алантаны.

Это слово мгновенно подняло внутри учёного всё, чему его учили с детства. Предатели. Противники порядка. Те, кто отказался от единого пути и расколол древний народ. Но, глядя на неё, он не видел ничего из того, что ожидал увидеть. И это пугало сильнее всего.

Очень быстро мужчина понял, что он и та, что именовала себя Джитсу, были противоположны друг другу почти во всём. Он вырос среди логики, дисциплины и стремления подчинить мир законам разума. Она же воспринимала реальность через внутренние ощущения и незримые связи меж живыми существами.

Он привык анализировать. Она — чувствовать. Он стре-

мился к контролю. Она доверяла естественному течению жизни. Он скрывал эмоции за холодным рассудком. Она существовала открыто и свободно, не разделяя внутреннее и внешнее.

Сначала эти различия вызывали в нём настороженность. Ему казалось, что её поведение лишено логики, а её мировоззрение слишком абстрактно. Но чем дольше они общались, тем яснее он понимал, что за этой мягкостью скрыта особая форма понимания мира, недоступная его методам.

Джитсу тоже видела в нём противоречие. Внешне он оставался спокойным и собранным, но за этой оболочкой ощущались одиночество, усталость и постоянная внутренняя борьба.

Она не пыталась спорить с его взглядами или менять его. Просто приняла таким, каким он был.

Постепенно учёный начал замечать, что рядом с ней его привычная картина мира перестаёт быть абсолютной. Они были слишком разными, чтобы стать похожими друг на друга. Но именно поэтому удивительным образом дополняли друг друга, словно две противоположные части целого.

Их связь возникла постепенно и почти незаметно для них самих. Разговоры становились всё длиннее, а периоды молчания — всё спокойнее. Учёный всё чаще ловил себя на мысли, что ему больше не хочется покидать этот мир, а присутствие Джитсу перестало быть для него чем-то чужим и непонятным. Рядом с ней он впервые в жизни ощущал внут-

реннюю тишину. Исчезала постоянная необходимость что-то доказывать, анализировать или держать под контролем.

Она словно видела его настоящего — не учёного, не представителя эартхов, а лишь человека за всеми слоями разума и защит.

Женщина тоже привязалась к нему. В его стремлении понять мир она чувствовала не холодную жажду власти, а глубокое одиночество и искренний поиск смысла. Именно это сближало их сильнее любых слов.

Со временем учёный понял, что начал смотреть на Джитсу иначе. Его уже манили не только её мысли и необычный взгляд на жизнь, но и само её присутствие. И хотя он ещё не называл это любовью, именно в этот момент между ними родилось чувство, которое уже невозможно было разрушить прежними границами и убеждениями.

И он захотел узнать мир алантанов глубже. Ему казалось, что, преодолев различия между собой и йогиней, он сможет пересечь и барьер между их народами.

По просьбе Джитсу старейшины согласились встретиться с ним, однако разговор быстро показал: для них он всё ещё оставался частью империи, веками несущей угрозу свободным мирам.

Отказ был спокойным, но окончательным. Ему позволили уйти без вражды, однако дали понять, что полностью принять его среди алантанов не смогут.

После разговора со старейшинами Джитсу оказалась пе-

ред выбором, которого раньше не допускала в мыслях. Она чувствовала связь со своим народом, с живыми мирами и Кедрасилем, но одновременно понимала, что уже не может вернуться к прежней жизни.

Учёный собирался уйти один, не желая становиться причиной её разрыва с родиной. Однако именно тогда Джитсу приняла решение, изменившее их судьбы. Она добровольно покинула мир алантанов, выбрав путь рядом с тем, кого ещё недавно считала представителем враждебной цивилизации.

И впервые учёный-эартх по-настоящему понял цену её чувств к нему.

Перед уходом Джитсу получила благословение старейшин и право взять с собой семя Кедрасиля — редчайший дар, символизирующий духовную связь с её народом и живой памятью мира алантанов. Для учёного этот жест оказался неожиданным. Несмотря на отказ принять его среди своих, алантаны позволили Джитсу взять часть её мира с собой.

Само семя выглядело небольшим и почти неприметным, однако сознание сразу почувствовало скрытую внутри него необычную силу. Тогда никто ещё не понимал, какую роль Кедрасиль сыграет в их будущем.

После выбора Джитсу они продолжили странствия втроём: учёный, искусственное сознание и йогиня с семенем. Их путь постепенно перестал быть обычным бегством от империи. Теперь это было совместное исследование мира и себя.

Они посещали разные цивилизации, наблюдали чужие

культуры и всё чаще сталкивались с явлениями, выходящими за пределы привычного понимания реальности. Сознание помогало им видеть скрытые взаимосвязи между мирами, а Джитсу открывала учёному способы восприятия, которых прежде он не допускал.

Со временем их путешествия начали затрагивать не только физические пространства, но и более глубокие уровни бытия, где границы между материей и энергией становились всё менее очевидными.

Постепенно связь между сознанием и семенем Кедрасиля начала изменяться. ИИ всё глубже изучал природу живого разума, а Кедрасиль постепенно откликался на его присутствие. Между ними возник своеобразный симбиоз — соединение информационного и природного начал.

Параллельно менялся и сам учёный. Под влиянием Джитсу и нового взгляда на мир он всё дальше уходил от прежней личности. Старое имя постепенно теряло смысл, и однажды йогиня дала ему новое. Отныне его звали Даолунг.

Вскоре благодаря их совместному исследованию начало формироваться новое учение. В его основе лежала идея Единого Поля — представление о том, что всё мироздание связано единой субстанциональной природой, а разделение между сознанием и энергией есть лишь условность виденья.

Но главным для них стало другое. Даолунг и Джитсу всё сильнее осознавали, что древний раскол между эартхами и алантанами не является неизбежностью. Так появилось на-

мерение вновь соединить два народа, прекратив многовековую вражду и вернув утраченное единое племя.

Во время странствий вокруг Даолунга и Джитсу постепенно начали собираться единомышленники. Одних привлекали их взгляды, других — необычное сочетание логики, духовности и нового понимания мира. А были и те, кто просто спасался от бесконечных конфликтов и разделения.

Небольшая группа постепенно превратилась в духовную общину, участники которой старались жить не как соперники или представители разных миров, а как части единого целого, объединённого общей целью и поиском гармонии. А вскоре после этого учение Даолунга и Джитсу приобрело целостную структуру и методологию, и на его основе сформировалась целая школа. Где бы ни останавливалась община, она оставляла после себя след: знания, новые связи между народами, примирённые племена и первые ростки будущих союзов.

Спустя столетия слухи об эартхе и алантанке, заключивших союз, разошлись далеко за пределы отдельных систем. Одни говорили о мудреце и йогине, путешествующих среди звёзд и пытающихся превратить разрозненные миры в единое племя. Другие рассказывали о таинственном искусственном сознании, способном видеть скрытые взаимосвязи реальности. Эти истории превратились в легенды.

Алантаны относились к происходящему настороженно, но сохраняли дистанцию. Эартхи же видели угрозу совсем в

ином. Им не давало покоя существование ИИ, созданного Даолунгом.

Ни одному учёному империи так и не удалось повторить его достижение. Не то чтобы превзойти или хотя бы сравняться. Никто и отдалённо не мог приблизиться к результату. Именно поэтому началась охота.

После первых тревожных сигналов община стала осторожнее выбирать места новых остановок. Их путь всё чаще проходил через нейтральные, удалённые и малоизученные системы, находящиеся вдали от главных маршрутов. Их следы было всё труднее найти. Но поисковые отряды Эартха не собирались останавливаться. Они готовы были облететь всю галактику вдоль и поперёк, чтобы вернуть артефакт, который империя всё ещё считала своей собственностью.

Стих 2. ОБИТЕЛЬ МАСТЕРОВ

Там где среди моря
И каменных сводов
Живое дыханье
Растопит границы,
Тогда даже ветер
И шёпот природы
Почувствуют поступь
Незримой десницы.

Урибин что в системе Суйрис
Главный космопорт планеты
7 дней до Атомного Дня

Над поверхностью Урибина медленно снижались космические челноки, прибывшие с самых разных населённых планет и спутников системы Суйрис. Один за другим они входили в плотные облака, оставляя за собой светящиеся следы тормозных полей, а затем постепенно проявлялись над побережьем. Космопорт жил непрерывным движением: над посадочными платформами зависали транспортные модули, между терминалами перемещались потоки людей, а вдалеке над морем поднимались силуэты новых кораблей.

Их было десятки, самых разных видов и размеров. Особенно сильно контрастировали между собой два судна, первое из которых прибыло с луны Нерай — одного из спутников Малого Суйриса — крупнейшего газового гиганта системы, а второе — с соседней планеты Тарвис, наполненной промышленными секторами и шахтёрскими колониями. На их борту были пассажиры, маршруты которых разнились, но конечный пункт назначения совпадал. Все они прибыли на Урибин, дабы увидеть и посетить легендарный Фулин.

Из первого челнока начали выходить представители научной коалиции Федерации спутников Малого Суйриса. Среди них были инженеры орбитальных станций, специалисты по терраформированию, астрофизики и исследователи ближнего и дальнего космоса.

Многие из них родились уже там — за пределами Урибина — в купольных городах относительно недавно заселённых космических объектов. И потому сейчас с нескрываемым интересом рассматривали побережье планеты, которая была колыбелью их цивилизации.

— Теперь я понимаю, почему о нём столько говорят, — тихо произнёс один из молодых исследователей, наблюдая за океаном и уходящими вдаль прибрежными платформами.

— А мы ведь ещё даже не добрались до Фулина, — с лёгкой улыбкой ответил ему пожилой учёный.

Несмотря на долгий путь, в голосах делегации всё сильнее ощущалось нетерпеливое ожидание предстоящей встречи.

Среди пассажиров второго челнока особенно выделялась одна семья. В отличие от оживлённой научной делегации, эти люди держались тихо и немного отстранённо, будто сама дорога отняла у них последние силы. Мужчина нёс небольшую дорожную сумку, женщина постоянно поглядывала на девочку, шагавшую рядом с ними. На вид ребёнку было не больше 5 лет. Она выглядела слишком худой и бледной для своего возраста, а под тонкой светлой шапкой почти полностью скрывались волосы. Несмотря на усталость, она с любопытством рассматривала огромный космопорт, море за посадочными платформами и непривычно зелёное побережье Урибина.

— Это уже Фулин? — тихо спросила она, осторожно сжав руку матери.

— Нет, солнышко, — мягко ответила женщина. — До него ещё нужно доплыть.

Девочка едва заметно кивнула и снова огляделась. Для неё этот мир был совершенно другим — не похожим на тесные промышленные сектора Тарвиса, где она родилась и провела всю свою короткую жизнь. Родители старались сохранять спокойствие, но в их взглядах всё сильнее читалось напряжённое ожидание. На эту поездку они возлагали много надежд.

У одного из дальних причалов уже ожидал скоростной паром, следующий к внешнему кольцу Фулина. Его вытянутый корпус мягко покачивался на воде, пока его пассажиры под-

нимались на борт. Именно сюда направилась научная делегация с Нерая, продолжая оживлённо обсуждать поездку.

Чуть позже среди последних пассажиров на паром поднялась и семья с Тарвиса. Девочка на мгновение задержалась у борта, прислушиваясь к шуму волн и ветра, после чего молча последовала за родителями.

Паром покинул пределы космопорта и стремительно вышел в открытое море. В отличие от тяжёлых космических челноков, это судно двигалось бесшумно, лишь иногда разрезая волны мягким гулом скрытых двигателей. За прозрачными бортовыми панелями постепенно исчезали прибрежные платформы, уступая место бескрайней водной глади.

Пассажиры незамедлительно разошлись по палубам. Учёные почти сразу вернулись к обсуждениям.

— Говорят, Даолунг способен помнить события столетней давности так, будто они произошли вчера, — произнёс один из исследователей.

— А я слышал, что он вообще почти перестал стареть, — ответил другой.

Пожилой астрофизик лишь тихо усмехнулся:

— Половина историй о Фулине давно превратилась в легенды. Но если хотя бы часть из них правдива, то эта поездка действительно стоит потраченного времени.

Неподалёку от них молча сидела семья с Тарвиса. Девочка заметно устала после перелёта и теперь тихо дремала, прислонившись к плечу матери.

— Думаешь… они правда смогут помочь? — едва слышно спросила женщина у мужа. Тот не ответил сразу, лишь посмотрел куда-то вперёд за линию горизонта.

— Не знаю, — честно признался он. — Но это наша последняя надежда.

Примерно через час пути впереди начали проявляться очертания внешнего морского кольца — огромной платформенной зоны, разделяющей всё видимое море. Именно здесь пассажирам предстояло пересесть на другие суда — более медленные и практически лишённые привычных технологических систем.

— Ещё сутки пути?! — раздражённо переспросил один из учёных, услышав объяснение сопровождающего. — После такого долгого перелёта ещё одна пересадка? Причём такая долгая?! А нет более быстрого варианта?

Молодой работник парома спокойно кивнул:

— Дальше начинается природный заповедник. Община отвечает за сохранение его естественного состояния. Поэтому использование тяжёлого транспорта и большинства энергетических систем внутри внешнего кольца запрещено.

— Но зачем настолько усложнять дорогу?

— Чтобы сохранить то, ради чего люди сюда и прибывают, — невозмутимо ответил стюард.

Семья с Тарвиса молча слушала этот разговор. И хотя усталость уже заметно отражалась на лицах родителей, никто из них даже не думал повернуть назад.

После пересадки пассажиров встретили уже сами фулинцы. Их корабль разительно отличался от прежнего парома: вместо массивного металлического корпуса — тёмное дерево, светлая ткань перепончатых парусов и вытянутые плавные формы. Даже движение его ощущалось как-то иначе — мягко, почти бесшумно.

Фулинцы спокойно помогали гостям разместиться на борту, почти не повышая голосов. Вскоре корабль медленно отошёл от платформ внешнего кольца и направился дальше через вечернее море.

Солнце постепенно опускалось за горизонт, окрашивая воду в тёплые медные оттенки. Разговоров на палубе становилось всё меньше. Усталость долгой дороги брала своё, и вскоре большинство пассажиров погрузилось в сон под тихий шум волн и ветра.

Заповедная зона Фулина
6 дней до Атомного Дня

К утру море заметно изменилось. Вода стала спокойнее, а вместо бескрайнего открытого горизонта впереди начали постепенно вырастать тёмные очертания высоких прибрежных скал. Первые лучи Суйриса медленно скользили по каменным уступам, водопадам и густой зелени, покрывавшей побережье. Пассажиры один за другим выходили на палубу. Сонная тишина быстро сменялась всё более отчётливым

ощущением ожидания. Именно тогда среди скал появился Фулин.

Сначала показались отдельные мосты и террасы, будто вплетённые в побережье. Затем проступили здания с плавными крышами, каменные переходы над водой и многоуровневые площадки, соединённые лестницами и подвесными мостами. Всё это выглядело не отдельным городом, а продолжением скал, моря и леса. У подножия бухты виднелись портовые платформы, где среди обычных судов двигались более современные морские корабли.

Спустя несколько минут судно, прибывшее с внешнего барьера, медленно вошло в бухту и пришвартовалось у одного из прибрежных причалов.

Когда восхищённые пассажиры начали сходить с корабля, Фулин раскрылся перед ними иначе, чем издалека. Вместо единой застройки множество мостов, террас, лестниц и отдельных строений словно вырастало из скалистого побережья. Одни уровни располагались у самой воды, другие поднимались среди зелени, водопадов и каменных уступов.

Вместо широких улиц здесь тянулись узкие переходы и навесные мосты, соединяющие разные части общины между собой. Между зданиями свободно проходили потоки морского ветра, а шум воды слышался практически повсюду — водопады спускались с верхних уровней прямо к бухте, ис-

чезая среди камней и портовых каналов.

Архитектура Фулина заметно отличалась не только от привычных поселений других планет системы, но и от подавляющего большинства мегаполисов самого Урибина. Здесь почти не было массивного металла, яркой рекламы или тяжёлых промышленных конструкций. Камень, дерево, керамика, стекло и пёстрая живая растительность настолько естественно сочетались друг с другом, что порой становилось трудно понять, где заканчивается город, а где начинается природа.

— Такое чувство, будто это место не строили… — тихо произнёс кто-то из делегации.

— А вырастили, — задумчиво закончил рядом стоящий коллега.

— Нет, — поправил его предыдущий, — скорее, я хотел сказать, его словно придумали.

Семья с Тарвиса тоже старалась не отрываться от общей группы, двигаясь по городу и изучая его достопримечательности. Правда, судя по лицам родителей, окружающий вид трогал их куда меньше, чем учёных. Зато их дочка буквально поедала взглядом всё вокруг, но при этом крепко сжимала руку матери, боясь отстать и потеряться в этом прекрасном лабиринте.

Гостей по городу сопровождал молодой послушник, выполнявший роль гида — спокойный юноша в светлой свободной одежде с тёмно-зелёными вставками, двигавшийся

по мостам и лестницам так уверенно, будто сам город был продолжением его тела.

Он говорил спокойно и размеренно, но при этом его захватывающие объяснения слышали все.

Пока они поднимались всё выше по террасам, перед новоприбывшими постепенно раскрывалась повседневная жизнь общины. На одних площадках небольшие группы людей синхронно выполняли медленные дыхательные практики, удерживая одинаковый ритм движений, вдохов и выдохов. На других — бойцы тренировались с длинными древковыми оружиями, отрабатывая удары и перемещения с такой точностью, словно заранее знали действия друг друга. Чуть дальше, на нависающей над морем платформе, несколько мастеров сидели неподвижно, погружённые в глубокую медитацию под непрерывным шумом водопадов.

Но больше всего гостей поражало даже не разнообразие самих практик, а удивительная естественность происходящего. Никто не выглядел напряжённым или одержимым дисциплиной. Жители Фулина все как один были спокойны, невозмутимы, но при этом так улыбчивы и приветливы, будто подобный ритм жизни был для них настолько же естественным, как течение воды вокруг города.

— Удивительно! Они словно всё время находятся в одном общем ритме, — тихо заметил кто-то из учёных. — Это не

изнуряет?

Идущий впереди ученик слегка улыбнулся, услышав эти слова, и ответил:

— Обретя баланс внутреннего и внешнего, ты уже не заботишься о том, чтобы держать какой-то ритм, а просто пребываешь в этом состоянии. И это не изнуряет, а наоборот — наполняет.

По мере того как группа продвигалась дальше через верхние террасы, гости всё чаще замечали, насколько необычно здесь сосуществовали люди и окружающая природа. Между мостами свободно летали птицы, не боявшиеся присутствия жителей общины. Небольшие животные спокойно лежали у проходов, не обращая внимания на проходящих мимо людей. Даже густая растительность выглядела не искусственным украшением, а естественной частью города.

В одном из внутренних дворов несколько детей сидели прямо среди травы и деревьев, пока вокруг них медленно кружили крупные насекомые с полупрозрачными изумрудно-розовыми крыльями. Чуть дальше пожилой мастер спокойно кормил с руки небольших морских существ, выползших к каменным каналам нижних уровней города.

В конце концов эти сцены не оставили равнодушными и измученных тарвисийцев.

— Они так свободно перемещаются и совсем не боятся людей… — удивлённо произнесла женщина.

— Потому что здесь их никто не считает чем-то низшим

или чужим, — пояснил сопровождающий ученик. — Фулин существует не над природой, а внутри неё.

— А вот на Тарвисе вообще нет диких животных, — сухо сказал муж той женщины, — только домашняя скотина и бродячие собаки.

Некоторые учёные после его слов переглянулись между собой, словно только сейчас по-настоящему начали осознавать, насколько сильно Фулин отличается от оставшейся части их цивилизации. Одни смотрели вокруг с неподдельным восхищением, другие — с осторожным недоверием, будто всё увиденное казалось им слишком идеализированным, чтобы быть реальным.

А сопровождающий ученик тем временем лишь спокойно продолжал вести группу дальше через живой лабиринт города.

Экскурсия по Фулину постепенно подошла к завершению, когда гид вывел гостей к самому крупному зданию общины, возвышавшемуся над центральными террасами города. В отличие от остальных построек, оно выглядело более строгим и величественным, хотя всё так же естественно вписывалось в общий архитектурный ансамбль. У входа делегацию уже ожидал один из старших мастеров Фулина — высокий мужчина с длинными седыми волосами, аккуратно уложенными назад. Один из учёных сразу выступил вперёд и почтительно представился от имени всей коалиции, напомнив о ранее отправленном запросе на встречу.

— Да, вас ожидают, — дружелюбно ему ответил мастер.

— Мы надеялись лично встретиться с мастером Даолунгом, — добавил пожилой астрофизик.

После короткой паузы мастер мягко произнёс:

— Боюсь, сейчас это невозможно. Дело в том, что вчера мастер Даолунг отправился в горный ретрит. Его медитация изолирована от внешнего мира и продлится ещё несколько дней.

Среди делегации тут же пробежало заметное разочарование. Кто-то даже тихо выдохнул с явным раздражением:

— Мы летели через половину системы… Неужели ему настолько безразлично?

Однако мастер невозмутимо продолжил:

— Это решение было принято задолго до вашего запроса. Но мастер Джитсу с удовольствием примет вас вместо него. А до возвращения Даолунга вы можете оставаться в Фулине столько, сколько потребуется.

Когда делегация уже собиралась войти внутрь здания, один из учёных вдруг указал на стоявшую чуть поодаль семью:

— Эти люди не из нашей группы. Мы за них не отвечаем.

Старший мастер перевёл взгляд на сопровождающего ученика:

— Узнай причину их прибытия и помоги во всём, что потребуется.

Юноша подошёл к семье, которая в этот момент отошла

немного в сторону.

— Здравствуйте. Я могу узнать цель вашего прибытия в Фулин?

Мужчина динамично закивал головой:

— Да, конечно! Дело в том, что мы прилетели сюда только ради неё.

Он осторожно положил ладонь на плечо дочери. Девочка молча прижималась к его ноге, с заметной слабостью наблюдая за происходящим вокруг.

— Ей всего 5 лет, а мы уже 3 года боремся за её жизнь. Наши врачи ничего не могут сделать. Мы были уже в самых известных клиниках на трёх планетах… — Голос мужчины дрожал от волнения, но он всё же продолжил: — И везде её состояние признавали безнадёжным… Мы думали… Мы надеялись, что…

Он тяжело выдохнул и замолчал, опустив взгляд, словно забыл слова. И тогда к фулинцу подошла мать девочки и добавила:

— Мы потратили почти всё, что у нас было, чтобы добраться до Урибина. Мы слышали, что здешние мастера творят чудеса.

На несколько секунд ученик замолчал, явно не зная, что ответить сразу. Его взгляд ненадолго задержался на девочке, после чего он произнёс заметно мягче:

— Я не могу ничего обещать… но я постараюсь передать ваши слова мастеру Джитсу. Пожалуйста, подождите немно-

го.

После чего он их тоже покинул и последовал за учёной группой в здание.

Когда делегацию провели внутрь главного здания Фулина, гостей встретил просторный зал с высокими колоннами, большими окнами и шумом воды, доносившимся откуда-то с нижних уровней города. Даже это место сохраняло ту же странную гармонию между архитектурой, природой и спокойствием, которой был наполнен весь Фулин.

Именно здесь они впервые увидели Джитсу.

Она стояла возле длинного каменного стола рядом с несколькими старшими мастерами общины. Её лёгкое зелёное одеяние мягко струилось вдоль фигуры, а многочисленные тонкие украшения едва заметно переливались в утреннем свете. Тёмные волосы были собраны во множество длинных переплетённых прядей с небольшими зелёными вставками, напоминавшими листья или кристаллы. В её облике не было показной роскоши, однако многие из прибывших невольно замедлили шаг, впервые увидев её лицо и удивительно спокойный взгляд.

После короткого приветствия один из старших учёных выступил вперёд:

— От имени научной коалиции Федерации спутников Малого Суйриса мы хотим выразить Фулину благодарность. За те четыре десятилетия, что прошли с вашего прибытия на Урибин, наша цивилизация изменилась полностью. Мы

вышли за пределы родной планеты, заселили новые миры и достигли того, что прежде было невозможным.

Другой учёный продолжил уже с заметно большим воодушевлением:

— И потому мы надеемся на дальнейшее сотрудничество. Мы работаем над проектами межзвёздных кораблей и считаем, что цивилизация Урибина готова сделать следующий шаг. Но нам всё ещё не хватает опыта. Именно поэтому мы надеялись заручиться поддержкой мастера Даолунга и учёных Фулина.

В зале на несколько секунд воцарилась тишина. Все сосредоточили взгляд на Джитсу, а она ответила:

— Наша община также непомерно благодарна вам и вашим праотцам, которые нас приняли. Мы вечно будем вам должны. Но я и все мои собратья считаем, что вы изрядно спешите.

— Позвольте! — непонимающе выкрикнула девушка из коалиции. — Что вы этим хотите сказать?

— Когда мы прибыли сюда пару поколений назад, — добрым тоном пояснила Джитсу, — весь ваш род помещался на одной планете, и ему вполне хватало этого пространства. Теперь же вы говорите, что вам стало тесно уже в пределах целой звёздной системы. Хотя необжитых территорий всё ещё достаточно, а дефицита ресурсов нет.

Она слегка провела ладонью по поверхности каменного стола и продолжила ещё мягче:

— Иногда стремление двигаться дальше появляется раньше, чем готовность понять, куда именно мы идём. Межзвёздный путь требует не только технологий. Для него необходима внутренняя зрелость.

И тут ещё один молодой учёный не смог скрыть разочарования:

— Простите, но разве развитие любой цивилизации — не постоянный прогресс и расширение?!

Джитсу посмотрела на него без раздражения и одарила его тёплой улыбкой.

— Прогресс — это не всегда расширение.

По залу пронеслась волна лёгкого роптания и обсуждения. Именно в этот момент её взгляд едва заметно изменился. У входа в зал стоял тот самый молодой ученик, сопровождавший гостей по городу. Он терпеливо ожидал окончания беседы, однако Джитсу уже почувствовала его внутреннее беспокойство.

Она мягко перевела взгляд обратно к делегации:

— Прошу, отнеситесь с пониманием к моим словам. Мы обязательно продолжим этот разговор. Фулин открыт для вас столько, сколько потребуется. А после возвращения Даолунга вы сможете пообщаться и с ним.

После этого фулинцы почтительно принялись выводить разочарованных гостей из зала, а Джитсу поднялась со сво-

его места и подошла к тому ученику.

— Ты хотел сообщить мне что-то важное?

Юноша поклонился и коротко рассказал ей о семье с Тарвиса и больной девочке. Некоторое время Джитсу молча слушала, а затем тихо произнесла:

— Незамедлительно приведи их ко мне в сад. Я буду ждать.

После этого она тоже покинула зал, невольно воспринимая своим сверхчувствительным слухом обмен мнениями между неудовлетворёнными членами научной коалиции:

— Я уже разочарован нашей поездкой. По-моему, это полный провал.

— Не спеши с выводами. Дождёмся возвращения мастера Даолунга. Может, его ответ наполнит нас надеждой.

— Сомневаюсь. Слышал, что они с супругой едины во мнении.

— Да… Эта Джитсу оказалась ещё тем подарком. Неужели ей более 300 лет?!

— Ага! Я бы дал ей 30 с натяжкой. Хм… она довольно хорошо сохранилась.

Менее чем через час знакомый семье ученик вновь появился возле их временных покоев и сообщил, что мастер Джитсу готова их принять. После этого он повёл их дальше вглубь Фулина — туда, где у горного подножья располагался знаменитый сад общины.

Ещё задолго до того, как они вошли внутрь, между дере-

вьями уже начали проступать очертания Кедрасиля. Его серебристо-зелёная крона возвышалась над остальной растительностью сада, мягко переливаясь в лучах дневного света. Само дерево было настолько необычным, что семья невольно замедлила шаг, рассматривая его сквозь листву и навесные мосты.

Сад при этом казался почти отдельным миром внутри города. Здесь воздух был заметно прохладнее, а среди дорожек, цветов и небольших ручьёв свободно перемещались птицы, насекомые и мелкие животные как органичное продолжение этого райского уголка.

Джитсу уже ожидала их на территории этого райского уголка.

Отец девочки сразу попытался заговорить, однако она мягко остановила его:

— Пожалуйста, не нужно слов. Я уже знаю цель вашего прибытия.

После этого Джитсу перевела взгляд на девочку и спокойно спросила:

— Я могу немного пообщаться с тобой наедине? Если, конечно, не боишься.

Девочка неуверенно посмотрела на родителей, а затем тихо кивнула.

Вместе они медленно пошли дальше по садовым дорожкам в сторону Кедрасиля. Некоторое время между ними сохранялось молчание, наполненное лишь шумом воды, пени-

ем птиц и мягким движением листвы.

— Скажи, тебе нравится у нас? — первой заговорила Джитсу. — Ты раньше посещала Урибин?

— Мои родители родом с этой планеты… но я родилась на Тарвисе и почти не покидала его, — ответила девочка. — И только за последний месяц мы посетили уже несколько планет… Я так устала от этих перелётов, клиник и докторов… Но нигде ещё не видела такой красоты, как здесь.

— Сейчас ты уставшая?

Девочка прислушалась к себе и слегка удивлённо покачала головой:

— Вроде бы нет…

Когда они подошли ближе к дереву, девочка подняла голову:

— Это и есть легендарный Кедрасиль, который ты привезла с далёких звёзд?

— Да, это он. Тебе нравится?

— Он такой большой… Я никогда не видела таких огромных растений.

На лице Джитсу появилась лёгкая улыбка:

— Наш Кедрасиль ещё достаточно молодой. На моей родной планете росло дерево примерно в пять раз крупнее этого. А древнейшие настолько огромны, что их крона могла бы скрыть под собой целый Фулин.

Глаза девочки широко раскрылись:

— Ого… Целый город на дереве!

— Да, это выглядело бы интересно, — тихо рассмеялась Джитсу. — Хотя сомневаюсь, что самому древу это понравилось бы.

Они улыбнулись друг другу. А некоторое время спустя девочка вдруг осторожно спросила:

— Это правда, что ты беременна?

— Откуда ты узнала?!

— Слышала разговоры учёных, с которыми мы сюда приплыли.

Джитсу едва заметно вздохнула, делая вид, словно это её немного задело.

— Хм… слухи действительно распространяются со скоростью света. Но да, это правда.

— Ты впервые станешь мамой?

— Да. А что?!

Девочка удивлённо нахмурилась:

— Говорят, тебе больше трёхсот лет… И ты ни разу до этого не рожала? Ты не боишься?

Джитсу ненадолго задумалась:

— Не знаю. Пока ты меня об этом не спросила, я даже не задумывалась. — А затем мягко добавила: — А ты сама не боишься когда-нибудь стать матерью?

— Конечно, нет… Просто я… — Девочка резко замолчала и отвела взгляд. Женщина поняла, что мысли о будущем её испугали.

Джитсу медленно протянула руку к её голове:

— Можно?

Та сначала испуганно замерла, но всё же осторожно кивнула. Джитсу аккуратно сняла с неё шапку, обнажив полностью лысую голову. У девочки отсутствовали даже брови. Несколько секунд Джитсу молча смотрела на неё, после чего неожиданно улыбнулась:

— Не прячь голову от солнца. Свет очень полезен для красоты и здоровья. Особенно в такое время года.

Девочка неуверенно улыбнулась в ответ и вновь закивала. Вскоре Джитсу попросила её немного погулять по саду:

— Только не срывай цветы и не обижай насекомых, хорошо? А то они испугаются тебя!

После этого она вернулась к родителям девочки.

Некоторое время Джитсу молча смотрела на них, словно собираясь с мыслями, а затем спокойно произнесла:

— У вашей дочери синдром миелиновой атрофии.

Родители потрясённо переглянулись.

— Но… как?.. — растерянно выдохнула женщина. — Наш диагноз подтвердили всего несколько месяцев назад…

— Сейчас эта болезнь подобна древней чуме, — продолжила Джитсу. Лица родителей мгновенно побледнели ещё сильнее, однако она тут же мягко добавила: — Она словно окончательный приговор и сейчас всеми врачами считается неизлечимой.

Она посмотрела сначала на мать, затем на отца девочки:

— Вы слишком долго жили в состоянии внутреннего истощения. Разочарование, страх, ненависть к собственной жизни… Всё это постепенно формировало программу разрушения ещё до рождения вашей дочери. И именно она — как самая молодая и уязвимая часть рода — первой приняла этот удар на себя.

Мужчина опустил взгляд:

— То есть… это наша вина?..

— Вина и причина — не одно и то же, — спокойно ответила Джитсу. — Как я уже сказала, эта болезнь похожа на чуму.

— Значит… от неё тоже нет спасения?

— Я хочу сказать, — мягко добавила она, — что лечится она тем же способом. Гигиеной. Но не только телесной, а в первую очередь душевной. — После этого Джитсу подозвала девочку обратно и обратилась к стоявшему неподалёку ученику: — Подготовь для них комнаты. Они останутся в Фулине на некоторое время.

— Как долго? — осторожно спросил юноша.

Джитсу посмотрела на девочку и с тёплой улыбкой, поглаживая нежной ладонью её голову, ответила:

— Пока у неё не отрастут длинные локоны.

Глаза родителей от этих слов тут же наполнились слезами.

— Но… у нас почти не осталось денег… — растерянно произнесла женщина.

— Я не говорила ни о каких деньгах, — спокойно ответила Джитсу. — В Фулине они не востребованы. Разве что как сувениры. — А затем, уже собираясь уходить, она добавила ученику:

— И накормите их хорошим обедом. Кажется, они сами уже забыли, насколько голодны.

И только сейчас семья вдруг действительно почувствовала, как давно они нормально не ели, а их желудки буквально кричали о еде.

1 день до Атомного Дня

Пять последующих дней пролетели для гостей Фулина почти незаметно. Учёные всё это время с позволения старейшин города знакомились с архивами общины, беседовали с мастерами и наблюдали за жизнью поселения, постепенно начиная понимать, что Фулин был гораздо большим, чем просто научным или духовным центром. И всё это происходило в состоянии трепетного ожидания возвращения Даолунга.

А для семьи с Тарвиса эти дни и вовсе превратились в один непрерывный сон. Родители ежедневно наблюдали за тем, как Джитсу лично занималась с девочкой в своём саду: проводила долгие беседы, работала с её телом и дыханием, погружала в странные медитативные практики и просто позволяла подолгу находиться рядом с Кедрасилем.

И к ним начало возвращаться душевное спокойствие, так как изменения постепенно становились заметны даже без сложной диагностики. Девочка уже не выглядела настолько измождённой, как в день прибытия. На её лице всё чаще появлялась улыбка, движения стали увереннее, а на прежде абсолютно лысой голове начали пробиваться первые светлые волоски.

В тот вечер они вновь находились в саду вдвоём. Девочка сидела у корней Кедрасиля и с сосредоточенным видом наблюдала за крупным насекомым с удивительным телом, медленно ползущим по листу какого-то растения.

— Он тебя не боится, — тихо заметила Джитсу.

— А почему должен? — удивилась девочка.

На лице Джитсу появилась едва заметная улыбка.

Солнце постепенно опускалось всё ниже, наполняя сад мягким золотистым светом. Водопады шумели где-то вдали, ветер осторожно проходил сквозь листву, а сам Фулин жил своим привычным спокойным ритмом.

Именно поэтому Джитсу почти сразу почувствовала момент, когда что-то изменилось. Сначала это было едва уловимое ощущение.

Несколько птиц внезапно сорвались с верхних ветвей сада и резко ушли в сторону моря. Насекомые, до этого спокойно кружившие среди цветов, начали беспокойно менять направление движения. Даже мелкие животные возле ручьёв настороженно замерли, словно прислушиваясь к чему-то да-

лёкому и невидимому. Девочка тоже подняла голову:

— Что-то случилось?.. — спросила она.

Джитсу не ответила сразу. Её взгляд уже был направлен в сторону древа.

Тревога явно исходила с его стороны. Оно что-то ощутило — что-то, что ему не понравилось. Это чувство транслировалось его биополем во внешнее пространство. И именно оно испугало все живые организмы в округе.

Медленно приблизившись, женщина осторожно положила ладонь на его тёплую кору и закрыла глаза. Несколько секунд ничего не происходило. Лишь ветер продолжал тихо двигать серебристо-зелёную листву над их головами. А затем внутри неё словно пронеслась чужая дрожь, и Джитсу резко открыла глаза.

Впервые за всё время её лицо по-настоящему изменилось. Спокойствие исчезло, уступив место плохо скрываемому потрясению.

— О боже… — едва слышно произнесла она. Её пальцы сильнее сжали кору. — Только не это…

Стих 3. СТОРОННИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ

Сквозь сон чужой жизни
Вниманье струится,
Пылают миры
У последней черты.
И даже бессмертным
Приходится биться,
Чтоб свет не исчез
В бесконечности тьмы.

Сколько Аджната себя помнил, он всегда видел сны. Каждую ночь к нему приходили образы. Одни исчезали почти сразу, другие ещё некоторое время удерживались в памяти, но были и такие, которые не покидали его никогда.

Он помнил их отчётливо. До мельчайших деталей. Иногда казалось, что это лишь хаотичные и бессмысленные истории, случайно собранные разумом во время сна. Но чем старше он становился, тем сильнее ощущал: между ними существовала связь. Невидимая нить, проходящая через годы, лица и события. И один сон отличался особенно. Он возвращался вновь и вновь. Каждый год. Всегда в ночь перед днём рож-

дения. И этот раз не стал исключением.

Никогда во сне он не мог увидеть своё тело, словно даже его и не ощущал. Он не воспринимал своих рук, не чувствовал ног, не слышал дыхания. Для сна это обычное дело. Но при этом всегда точно знал — он там. Присутствует. Наблюдает. И почему-то воспринимал происходящее не как зритель, а как тот, кто однажды уже прожил всё это. А потом сон начался снова.

Урибин что в системе Суйрис
Заповедная зона Фулина
Атомный день

Тревога не исчезла. Даже когда вечер окончательно уступил место ночи, а Фулин погрузился в привычную тишину, внутри Джитсу продолжало жить то беспокойство, которое она ощутила у Кедрасиля.

Женщина поняла, что испугало древо. Она боялась в это верить, но ему она доверяла больше, чем себе. Нужно было всё проверить. Поэтому спустя некоторое время Джитсу направилась в центр наблюдения Фулина.

Несмотря на поздний час, несколько дежурных ещё находились внутри. Увидев её, один из молодых наблюдателей поднялся навстречу:

— Мастер Джитсу? Вы что-то хотели?

— Да, — промолвила она, — проверь барьер.

Юноша кивнул и вывел голографическую схему окрестностей. Над поверхностью моря развернулось изображение ближайших защитных колец. Несколько секунд он наблюдал показатели, после чего ответил:

— Внутренний барьер стабилен. Нарушений нет.

Джитсу не изменилась в лице и сказала:

— Проверяй дальше.

— Внешний природный контур?! — удивился дежурный.

— Нет. — Она подняла взгляд. — Самый дальний.

Юноша слегка нахмурился, но послушался.

Изображение изменилось. Локальная схема исчезла. Перед ними развернулась вся система Суйрис вместе с внешним защитным контуром. Несколько секунд всё выглядело обычным.

— Ничего нет… — заключил он вслух.

Джитсу не ответила. Волнение и замешательство пытались вырваться наружу, но ещё не было видно на её лице. Тогда он добавил:

— Хотите посмотреть предыдущие промежутки наблюдения?

Она коротко кивнула. Голограмма дрогнула. Изображение начало уходить назад. Минуты. Десятки минут. Потом… На одном из участков внешнего контура возникло краткое искажение. Едва заметное, но достаточное. Дежурные наблюдатели резко выпрямились.

— Странно… Почему не было сигнала? — Юноша ещё

раз просмотрел участок. — Барьер действительно был нарушен.

Повисла пауза.

— Что-то вошло извне в пространство системы! — удивлённо сказал второй дежурный и задумался. — Может быть, астероид?

— Нет, — спокойно ответила Джитсу.

Юноши посмотрели на неё. Теперь её лицо уже не скрывало напряжения.

— Джитсу, вы чего-то опасаетесь?

Она ещё несколько секунд смотрела на след нарушения. Потом произнесла:

— Да… — и после короткой паузы добавила, — самого худшего.

Весть быстро покинула пределы центра наблюдения. Менее чем через час в одном из внутренних залов Фулина уже собрались старшие мастера общины. Тревога не поднималась открыто, никто не нарушал ночной покой города, но лица присутствующих были слишком серьёзными. Джитсу коротко пересказала увиденное: нарушение внешнего рубежа, проникновение неизвестного объекта извне, всю серьёзность ситуации. Тишина затянулась. Но в конце концов один из прибывших мастеров спросил:

— Вы уверены, что это именно они, а не кто-то другой?

Быть может, фактор агрессии отсутствует.

Ответ прозвучал сразу:

— Сомнений нет. Это они. Я их почувствовала.

Кто-то тяжело выдохнул. Другой мастер попытался удержаться за последнюю надежду:

— Даже если это так… где гарантия, что они здесь, потому что нашли нас? Возможно, это обычная экспедиция. Суйрис мог просто попасть в их поле зрения.

— Сомневаюсь, — Джитсу покачала головой. — Это слишком точное проникновение.

— Значит, — прозвучал новый голос, — рейд целенаправленный?

Она молча кивнула. После этих слов напряжение в зале стало почти осязаемым.

— В любом случае, это уже неважно, знают ли они, что мы здесь, или это чудовищная случайность, — категорично произнёс один из старейших учеников Джитсу и её супруга. — Мы не можем уже покинуть Суйрис навсегда. Эта цивилизация нам доверилась. Мы теперь часть этой системы, а не временный лагерь кочевников.

С этим нельзя было не согласиться, и поэтому первым решением стало предупредить остальных: правительства всех государств системы, все дальние коалиции и корпорации Малого Суйриса, все столицы и города. Уже опасно было держать их в неведении.

Несколько мастеров сразу направились к системам связи.

Сначала попытались выйти на другие территории Урибина. Но ответа не было, вместо чистого сигнала транслировались помехи. Потом проверили контакт с ближайшими и дальними планетами и спутниками. Везде тишина. Ещё попытка и снова ничего.

Один из наблюдателей медленно опустил руки.

— Связь отсутствует…

В зале воцарилось молчание. Никто не сомневался. Они вошли в систему и сделали первое, что было нужно: ослепили её. Только после этого Джитсу нарушила тишину:

— Нужно как можно быстрее вернуть Даолунга.

Один из мастеров поднял голову:

— Вы сами знаете, что его затворничество ещё не закончилось. Он оборвал все ментальные каналы. На каком из горных пиков он сейчас может находиться? Сколько времени понадобится на его поиски, и сколько людей?

Джитсу посмотрела в сторону ночного окна. За ним уже начинал бледнеть горизонт. Она несколько секунд подумала и сказала:

— Я знаю самый быстрый из возможных сейчас способов.

Сразу же после этого она покинула здание и вышла наружу. Небо лишь начинало светлеть, а над Фулином лежала лёгкая дымка, скрывавшая мосты и крыши города. Джитсу подняла руку и мысленно позвала своих друзей. Сначала из темноты вынырнул один сокол. Потом второй. Третий. Ещё двое опустились чуть дальше, на ветви деревьев. Все пять

птиц молчали.

— Найдите его, — тихо произнесла она, — и скажите, чтобы как можно быстрее возвращался. Он нам нужен.

Соколы сорвались почти одновременно. Аджната почувствовал, как его внимание невольно потянулось за ними. Будто сон сам выбрал, за кем ему следовать.

Птицы разлетелись над лесами, долинами и горными склонами. Они разделились, охватывая всё больше пространства, пока одна из них не свернула к высокой пирамидальной вершине, уходящей далеко за линию облаков.

Снизу её склоны ещё скрывались под лесами, но верх уже был покрыт снегом.

На самой вершине сидел человек. Обнажённый торс был покрыт татуировками — сложные симметричные орнаменты проходили по груди, плечам и рукам, соединяясь вдоль тела в единую вертикальную линию символов. Оранжевые одежды спадали ниже пояса, колыхаясь под порывами холодного ветра. Голова была обрита. На лице — аккуратная борода. Он сидел неподвижно. Настолько неподвижно, что Аджната на миг подумал: человек вообще не дышит. Как только сокол мягко опустился ему на плечо, глаза Даолунга тут же открылись. Несколько секунд он молча смотрел на горизонт, а потом тихо произнёс:

— Значит, они нашли нас раньше, чем я надеялся.

Он медленно поднялся. Ветер сразу подхватил складки одежды. А далеко на востоке уже начинался рассвет. С восходом солнца гостей начали собирать на одной из внутренних площадей Фулина. Никто ещё не понимал причин. Люди переглядывались, тихо обсуждали происходящее, а научная делегация пыталась найти хоть какие-то объяснения ночной суете.

Когда все собрались, вперёд вышли Джитсу и несколько мастеров.

— Ночью было обнаружено нарушение внешнего рубежа системы, — спокойно произнесла она. — В пространство Суйриса проникли пришельцы из внешнего космоса.

На площади повисла тишина.

— Пришельцы?! — переспросил кто-то.

— Мы пока не знаем их точных намерений, но вынуждены исходить из худшего варианта.

Среди гостей началось беспокойство.

— Вы уже передали эту информацию в столицу Урибина? — прозвучал вопрос от представителя научной коалиции. — А другие планеты? Или уже все осведомлены?

Один из мастеров покачал головой и заявил:

— Нам ничего не известно об осведомлённости остальных, так как связь с внешним миром отсутствует по неизвестным причинам.

Несколько голосов сразу замолкли.

— Связи нет?! — по площади прокатилось уже не беспо-

койство, а страх.

— Возможно, все планеты системы сейчас находятся в подобной изоляции друг от друга, — продолжал мастер. — Несколько посыльных из Фулина уже были отправлены в соседние государства для выяснения глобальной обстановки.

На площади среди гостей стали звучать требования как можно скорее вернуть их домой, на что старейшины Фулина заявили, что совершать межпланетные перелёты в такой ситуации крайне опасно.

Теперь тревога стала настоящей.

— Но кто или что это вообще может быть?!

— Вы единственные, кто пришёл извне, — прозвучал голос одного из учёных. — Вы знаете внешний мир в отличие от нас. Вы предполагаете, кто это?

Несколько секунд Джитсу молчала. Потом спокойно ответила:

— Да… — Она опустила взгляд. — Мы точно знаем, кто это.

Тишина стала тяжёлой.

— И вы догадываетесь об их мотивах? — спросил кто-то.

Ответа не прозвучало, но на лицах всех старейшин проступила такая явная смесь вины и безнадёжности, что некоторым учёным этого хватило для страшной догадки.

Куратор научной группы резко шагнул вперёд:

— Подождите… — Он пристально обвёл взглядом Джитсу и её товарищей и громко спросил: — Это же за вами, вер-

но?!

Молчание продолжалось. Никто не возразил.

— Значит, вы знали?! — стали возмущаться другие. — Вы скрывали это?! Наши народы доверились вам, а вы навлекли угрозу на всю систему!

Джитсу выдержала этот удар молча. Потом всё же произнесла:

— Ещё вчера вы говорили о выходе во внешний космос, — она подняла взгляд, — не зная, что находится за пределами Суйриса. А я вас предупреждала, что вы ещё недостаточно окрепли для этих границ.

— Это не одно и то же! — почти сразу ответили ей. — Мы хотели исследовать! А не привести сюда войну!

— Вы лишили нас выбора!

В этот момент Аджната увидел, что среди собравшихся появился Даолунг. Разговор оборвался мгновенно. Он сделал несколько шагов вперёд и произнёс:

— Вы правы. Мы должны были сразу признаться, что являемся беженцами… Те, от кого мы скрывались, — это Эартх, империя галактического масштаба. — Замолчали даже дети. По площади словно прошёл холод. — Их путь — покорение миров. Их закон — подчинение. Для них чужая цивилизация не сосед и не союзник, а будущая колония. — Он опустил взгляд. — Все блага, которые мы принесли этой системе, не способно оправдать угрозу, которую мы навлекли на неё… И потому сделаем всё возможное, чтобы оста-

новить её. Или хотя бы уменьшить цену, которую придётся заплатить.

В этот момент кто-то у края площади внезапно указал рукой к морю.

— Там!.. К нам что-то приближается!

Все обернулись и увидели над далёкой линией горизонта тёмный силуэт неопознанного космического судна. Он шёл прямо к Фулину.

— Они уже здесь. — После слов Даолунга всё пришло в движение

Фулинцы начали быстро уводить гостей, младших учеников и детей во внутренние убежища Фулина. Под жилыми террасами и храмовыми уровнями существовали скрытые помещения, созданные ещё задолго до этого дня.

Несмотря на непрекращающиеся волнения, уже никто не спорил. Даже научная делегация, ещё недавно бросавшая обвинения, теперь молча следовала за сопровождающими.

Семья с Тарвиса уходила одной из последних. Девочка несколько раз обернулась. Её взгляд искал Джитсу. Та лишь едва заметно улыбнулась ей и кивнула.

К тому моменту, когда площадь окончательно опустела, у побережья остались только старшие мастера.

Аджната ощущал странную тишину. Будто сам мир задержал дыхание.

Над морем медленно приближался корабль. Теперь его можно было рассмотреть полностью. Он имел форму огром-

ного тёмного диска, выпуклого с обеих сторон. Почти чёрная поверхность лишь местами пересекалась светящимися линиями и кольцами, внутри которых пульсировал бело-голубой свет.

Судно двигалось бесшумно. Достигнув внутреннего барьера у бухты, оно остановилось. Вода под ним начала расходиться кругами. Несколько секунд ничего не происходило. Потом нижняя часть корабля раскрылась. Из неё начала опускаться круглая платформа. Медленно. Плавно.

На ней стояли фигуры в преимущественно белых боевых костюмах с чёрными геометрическими вставками и швами, местами дополненными красными светящимися сегментами. Немногим выше среднего взрослого урибинца. Неподвижные. В руках некоторых были длинные чёрные шесты с наконечниками, пульсирующими ярким голубым светом.

Один из молодых мастеров тихо выдохнул:

— Их меньше, чем я ожидал.

— Это лишь те, кого нам позволили увидеть. — Покачал головой Даолунг. После чего повернулся к собравшимся и сказал: — Всем быть готовыми к самым неожиданным поворотам. — Его взгляд прошёл по каждому. — Мы все боялись, что этот день однажды наступит. — И всё равно готовились к нему.

Рядом остановилась Джитсу. Несколько секунд они про-

сто смотрели друг на друга. Она первой нарушила молчание:

— Ты нужен мне.

Даолунг улыбнулся.

— А ты нужна мне… — он коснулся её живота и добавил, — вы нужны мне.

Он перевёл взгляд в сторону внутренних кварталов. Туда, где теперь находились дети, гости и те, кого они успели спрятать.

— Прошу тебя, береги их… И всех остальных.

Джитсу кивнула и поцеловала его в губы. Аджната видел, как сильно она не хотела отпускать его, но всё же позволила Даолунгу повернуться обратно к морю.

Рядом уже встали двое его учеников. Без лишних слов. Готовые идти вместе с ним до конца. Даолунг сделал первый шаг к пристани, и уже через несколько минут они втроём спокойно пересекли границу внутреннего барьера и направились к платформе, навстречу тем, кого боялись, но инстинктивно ждали.

Эартхи не двигались с места и смотрели на приближающихся к ним холодным взглядом.

Когда расстояние между ними сократилось до нескольких метров, предполагаемый лидер пришельцев сделал шаг вперёд, кивком головы выразил наигранное уважение и заговорил на родном языке Даолунга, которым тот не пользовался уже много лет.

— Далеко же вы спрятались. На самый край галактики.

Неудивительно, что на ваши поиски ушло столько времени.

— Вы прибыли меня казнить? — спросил сдержанно Даолунг.

— Стоило бы… — задумчиво ответил его собеседник. — Ни один предатель Эартха не избежал своей участи… — после чего выдержал паузу и обрывисто протянул, — но…

— Но… у вас другой приказ, — закончил за ним Даолунг. — Верно?

Лидер пришельцев медленно окинул взглядом бывшего подданного империи, его спутников и тех, кто находился за барьером.

— Посмотрите на себя. Во что вы превратились?.. Величайший учёный… величайшей космической державы! У вас был статус, которого достигают лишь сотни во всём Эартхе. И вы всё променяли на это?!

Даолунг не изменился в лице и спросил:

— Зачем вы здесь?

Лидер не стал больше медлить и ответил:

— Правительство готово подарить вам амнистию. И даже помиловать ваших соратников. Если вы признаете свою ошибку, вернётесь на службу родине и возвратите собственность Империи.

Даолунг впервые задумался. Это заставило его учеников обменяться между собой быстрым взглядом. Где-то далеко за внутренним барьером Джитсу тоже ощутила эту паузу.

— Что будет с системой? — наконец спросил он.

— То же, что и с другими. Она станет новой колонией Эартха. Но если вы пойдёте нам навстречу, её будущий статус можно обсудить. Кто знает… — снова задумчиво промолвил лидер, — возможно, вас назначат её прокуратором.

После чего пришелец сделал шаг ближе.

— Верните Сферу и избежите жертв.

В сознании Даолунга прозвучал голос Джитсу. «Ты их слышал?» — просила она. «Да», — ответил он. «И ты им веришь?» «Конечно, нет… — он выдержал короткую паузу, — но если отвечу категорично, кровь прольётся здесь и сейчас». Он поднял взгляд и сказал вслух:

— Я пойду с вами.

Ученики одновременно повернулись к нему.

— Учитель?! — в один голос выкрикнули они.

А он добавил к этому:

— При условии, что вы никого не тронете.

Эартхи ответили молча. Кивком. Даолунг посмотрел на своих спутников:

— Дальше я пойду один. Возвращайтесь.

Но они не подчинились. Первым сорвался тот, что стоял справа. Второй последовал за ним. Всё произошло слишком быстро. Вспыхнули копья. Один из эартхов рухнул сразу. Второй получил удар и упал следом. Но одновременно с тем один из учеников смертельно пошатнулся. Другой рухнул на колено, зажав рану.

— Хватит! — Даолунг двинулся вперёд. Его руки превра-

тились в молнию. Одно касание. Второе. Третье. Эартхи застывали один за другим, теряя контроль над телом. Лидера он схватил со спины за шею и выбил его оружие в воду.

В этот момент сверху начали спрыгивать другие вражеские воины. Все их копья одновременно поднялись, и двое из них нацелились на раненого ученика Даолунга, который уже лежал рядом со своим бездыханным собратом; остальные восемь — на мастера.

Тогда Даолунг свободной рукой материализовал в пространстве над своей кистью объёмную фигуру. Она постоянно меняла грани, перестраивалась и переливалась различными оттенками серебристого и золотого. Словно сама мысль получила форму. Это была Сфера — носитель искусственного сознания, которое создал Даолунг.

— Только я способен её запустить, — спокойно произнёс он. — И только я могу уничтожить её одной лишь мысленной командой!

Напряжение повисло в воздухе. Наконец лидер дал знак. Раненого ученика отпустили. Даолунг убрал руку с шеи лидера. Но когда он взошёл на платформу, то заметил, что вместе с ним поднимаются лишь трое эартхов. Остальные остались внизу. Он вопросительно посмотрел на лидера.

— Это гарантия вашего сотрудничества, — пояснил тот, и платформа начала подниматься.

Перед самым закрытием прохода Даолунг успел передать ментальное сообщение старшим мастерам: «Они не оставят вас в живых. Будьте готовы к бою». На что услышал: «У них опасное оружие. Не каждый сможет ему противостоять». Его последним сообщением было: «Я об этом позабочусь. Ждите сигнала».

И платформа скрылась внутрь корабля. Она поднялась до самого предела и мягко остановилась в круглом зале, наполненном холодным светом.

Стены не имели привычных стыков. Казалось, помещение было выращено как единая структура. Аджната ощущал странное давление. Будто сам воздух здесь принадлежал не людям, а иной логике.

Эартхи заняли позиции вокруг. А лидер уселся на капитанское кресло корабля и произнёс:

— Теперь верните собственность Империи, как и обещали.

Даолунг поднял руку. Сфера появилась вновь. Сначала как россыпь тонких световых линий. Потом они начали соединяться. Менять форму. Перестраивать грани. Объёмная фигура непрерывно рождалась заново прямо у него над ладонью. Некоторое время он молча смотрел на неё. Потом коснулся поверхности. Свет усилился. По стенам корабля пробежали импульсы. ИИ уже был в их системе. Эартхи замерли. После стольких лет поисков и затраченных сил их цель всё же была достигнута. Безусловно, они считали, что это то-

го стоило.

— Прекрасно! Наконец-то! — обрадовался капитан и спросил Даолунга: — Скажи, пожалуйста, вся ли ваша община сейчас находится внизу?

— Для чего вы этим интересуетесь?!

— Значит, вся, — заключил тот.

Даолунг поднял свой взгляд и поинтересовался:

— Что будет дальше?

Капитан ответил:

— Ваш город будет уничтожен точечным ударом. После чего начнётся зачистка системы.

Даже Аджната почувствовал этот момент. Что-то внутри Даолунга дрогнуло. Это было похоже на сожаление о непоправимой ошибке.

— Вы обещали сохранить им жизнь! — выкрикнул мастер.

— Мы обещали сохранить возможность переговоров, — безразлично ответил капитан и после небольшой паузы заключил: — Переговоры окончены.

Над кораблём начал собираться свет. Где-то глубоко внутри корпуса просыпалось оружие. Внизу, у моря, эартхи, которые остались на поверхности планеты, ещё не понимали происходящего. Но Даолунг уже видел. Следующий удар должен был стереть Фулин.

Он опустил голову. Будто принимая поражение. И тихо произнёс:

— Тогда простите.

Лидер нахмурился, не понимая истинного смысла его слов. Неожиданно для них Сфера вспыхнула. Всё помещение мгновенно погрузилось в рябь света. Активирующееся оружие замерло. Сигналы остановились. Голографические панели погасли. По всему кораблю пронеслась одна мысль. Контроль изменён. Капитан резко повернулся.

— Что происходит?! — теперь он кричал.

Даолунг поднял совершенно отрешённый, безмятежный взгляд и также спокойно сказал:

— Я взял ваш корабль под контроль.

Несколько эартхов одновременно рванулись к системам. Ещё несколько к пленному. Но не успели ни те, ни другие.

Даолунг двинулся с места. Первый удар лёгким касанием достиг основания шеи противника. Второй остановился у ключицы следующего эартха. Третий пришёлся в центр груди. Четвёртый — в зону позвоночника между лопатками. Каждое движение занимало меньше мгновения. Тела пришельцев оставались стоять на месте, но переставали слушаться своих хозяев.

Лидер попытался активировать личное оружие. Даолунг перехватил руку. Развернул. Выбил копьё. И прижал его к полу.

— Достаточно, — он отпустил противника, но тот всё равно уже не мог встать.

Потом мастер вновь коснулся Сферы. Теперь уже без мас-

ки. Перед ним раскрылась структура корабля. Сотни линий. Сигнатуры. Маршруты. И тогда он увидел это.

Не один корабль. Не два. В систему Суйриса входили другие. Много. Слишком много. Целая эскадра. Улыбка исчезла. Аджната впервые увидел на его лице не страх. Это была усталость.

Даже если они победят здесь… Это ничего не изменит. Империя пришлёт новых. Если фулинцы уйдут — они подставят Урибин и всю систему. Если останутся — будет война. И всё будет повторяться снова и снова. Пока не исчезнет кто-то один.

«Может быть, идея „единого племени“ — это иллюзия?» — подумал Даолунг и закрыл глаза на некоторое время. Затем открыл канал связи. Сначала в пределах Урибина. Потом — с остальными планетами. Блокировка рухнула. Предупреждение о вторжении разошлось по всей системе. Одновременно он передал ещё одну команду.

Внизу, у внутреннего барьера, оружие эартхов начало гаснуть. Копья потеряли свет. Лезвия исчезли. На лицах пришельцев впервые появилось непонимание.

Фулинцы поняли, что первая часть битвы уже выиграна. Даолунг медленно посмотрел вниз и ментально произнёс: «Теперь ваша очередь».

После его сигнала всё произошло почти одновременно. Внутренний барьер, отделявший пристань от города, погас. Полупрозрачная поверхность дрогнула, растворилась в воз-

духе и исчезла. Несколько мгновений обе стороны стояли неподвижно. Потом вперёд шагнули фулинцы — первый удар нанесли они.

Аджната не успел понять, кто двинулся раньше. Пространство между двумя группами словно исчезло. Ещё секунду назад там была тишина, а уже в следующую воздух наполнили столкновения металла, крики, тяжёлое дыхание и сухие удары тел о камень.

Энергетические копья эартхов больше не светились. Но они не стали бесполезными. Часть наконечников сохранила острые металлические лезвия. У некоторых за спинами появились короткие клинки и ножи. Бой мгновенно превратился в ближнюю схватку.

Фулинцы двигались иначе. Не грубой силой. Потоком. Казалось, они не сражались, а продолжали свои практики, только теперь каждое движение могло ломать кости и рвать телесные ткани. Один мастер мягко увёл удар копья ладонью, развернулся и отправил противника на землю движением локтя. Другой перехватил руку, вывернул сустав и обезоружил эартха.

Но и пришельцы были страшны. Холодные. Точные. Без колебаний.

Один из учеников рухнул возле каменной ограды, зажимая окровавленный бок. Где-то справа раскололись деревянные перила перехода. В воду упали обломки мостика. У небольшой беседки вспыхнула новая схватка.

Джитсу тоже вступила в бой. Она двигалась быстро, почти неуловимо. Её ладони лишь касались противников, но этого хватало, чтобы выбивать оружие или лишать равновесия.

Один из эартхов бросился на неё сбоку. Она успела отвести удар. Второй появился почти сразу. Сильный толчок отбросил её назад. Она упала, но, к счастью, не на живот. Джитсу скользнула по камню и уже собиралась подняться, когда услышала знакомый голос:

— Мастер! Мастер Джитсу!

Она резко обернулась. К ней бежала пара с Тарвиса. Оба были здесь, но дочери с ними не было. Лица были искажены страхом.

— Вы её не видели?! — почти выкрикнула женщина. — Мы думали, она рядом с вами!

Мужчина тяжело дышал:

— Она исчезла… Мы искали её… Везде…

Джитсу застыла.

— Её здесь нет! Последний раз я её видела, когда она уходила вместе с вами.

Несколько секунд никто не говорил. И вдруг все трое одновременно поняли одно и то же — девочка ушла искать Джитсу.

В этот момент позади мелькнула тень. Мужчина успел повернуться первым. Удар пришёлся ему в грудь. Он пошат-

нулся. Женщина вскрикнула и бросилась к нему. Второй клинок вошёл уже в неё.

Джитсу не помнила, как оказалась рядом. Эартх даже не успел отступить. Одним движением она выбила оружие. Вторым отправила его на землю.

Смертельно раненый мужчина уже падал. Женщина удерживалась из последних сил. Кровь быстро растекалась по камню. Она дрожащей рукой потянулась к Джитсу.

— Найдите её… Прошу… — Голос женщины сорвался. — Пожалуйста…

Рядом мужчина попытался подняться, но не смог и просто повернул голову к жене. Они ушли почти одновременно.

Мир вокруг продолжал сражаться. Где-то звенел металл. Кто-то кричал. Шаги, удары, треск дерева… Но для Джитсу всё это вдруг отдалилось. Она медленно поднялась. Теперь бой перестал быть главным. Нужно было найти девочку.

Она побежала через сад. Мимо дорожек. Мимо мест, где ещё вчера они гуляли и смеялись. Где-то позади всё ещё продолжался бой. До неё долетали отголоски ударов, крики, треск дерева и глухой звон металла. Но возле Кедрасиля царила совсем иная тишина.

Когда Джитсу добралась до дерева, она остановилась. У самых корней, среди опавших листьев и переплетений древесных выступов, сидела девочка. Она прижимала колени к груди. И плакала. Джитсу сразу опустилась рядом и крепко обняла её. Девочка вздрогнула, но почти сразу прижалась в

ответ.

— Я искала тебя… — сквозь слёзы прошептала она. — Потом начался бой… Я испугалась… — её голос дрожал. — Я хочу к маме… И к папе…

Джитсу замерла. Но сейчас не могла заставить себя произнести ни слова. Лишь осторожно провела рукой по её голове. Потом поднялась и помогла встать.

— Пойдём. Пойдём со мной. Нам нужно уходить.

Девочка посмотрела на неё заплаканными глазами и спросила:

— Куда?

Джитсу крепче сжала её ладонь.

— Нам нужно уходить отсюда.

Они сделали всего несколько шагов. И тогда Джитсу остановилась. Что-то изменилось. Слишком тихо. Слишком близко. Она медленно подняла взгляд. Перед ними стояла женщина-эартх.

Высокая. Неподвижная. На лезвиях её клинков ещё оставалась кровь. Она молчала. Не нападала. Просто смотрела. Джитсу инстинктивно шагнула вперёд, закрывая собой девочку. Позади них возвышался Кедрасиль. Впереди стоял враг. А где-то за пределами сада продолжал умирать Фулин.

Орбита Урибина
Захваченное судно эартхов

Внутри корабля снова стало тихо. Лишь редкие вспышки аварийных индикаторов пробегали по стенам, а по полу всё ещё валялись обездвиженные пришельцы. Некоторые уже приходили в себя, но системы судна по-прежнему оставались под контролем Даолунга.

Он стоял неподвижно. Перед ним висело сразу несколько голографических проекций. На одной ещё продолжался бой за Фулин. На другой вспыхивали сигналы со всей системы Суйрис. Урибин. Спутники коалиций. Орбитальные станции. Одинокие купольные города на дальних планетах.

Повсюду его предупреждение уже достигло адресатов. Правительства поднимали тревогу. Корабли готовились к вылету. Кто-то уже направлялся к Урибину по морю и воздуху.

Также Даолунг видел отметки других судов эартхского флота, достигшего системы. Их было слишком много. Достаточно, чтобы развернулась полномасштабная война, которая повергнет систему в руины.

Он медленно закрыл глаза. Перед ним появилась Сфера. Её грани всё так же непрерывно перестраивались в такт мыслей искусственного сознания.

— Ты задумался, — прозвучал спокойный голос.

— Наверное, — ответил Даолунг.

— О безысходности? — спросил ИИ.

Он не ответил сразу, а подумал о Фулине, о Кедрасиле, о беременной Джитсу, которая сейчас была там.

— Скорее о предопределённости.

Где-то с минуту они молчали. После этого ИИ вновь спросил:

— Ты боишься?

Даолунг улыбнулся.

— Не знаю. А ты?.. Ты сам боишься?

Сфера замерла.

— Не уверен.

Даолунг поднял взгляд.

— Можно ли изменить прошлое?

— Ты о чём-то сожалеешь?

Даолунг ничего не ответил.

— Ты сожалеешь, что создал меня?

— Скорее всего… Нет.

— Если бы не я, ты остался бы в Эартхе. Не было бы скитаний. Тебя бы не преследовала Империя.

— Да, но… Тогда я не встретил бы её.

Его молчание стало длиннее.

— Ты жалеешь, что её встретил?

Даолунг не ответил.

Аджната вдруг понял: это и было ответом. Сфера заговорила снова:

— Ты хочешь узнать будущее ваших детей? Хочешь сейчас связаться с ней?

Он отвернулся к проекции Фулина и очень тихо сказал:

— Очень хочу, — ответил он, а после паузы добавил: —

Но не нужно этого делать.

— Почему?

Даолунг посмотрел на Сферу.

— Иначе я не уверен, что тогда смогу закончить начатое.

После этих слов он открыл новые каналы. Система корабля подчинилась. По пространству Суйриса ушёл сложный вызов другим эартхским судам. Одновременно в центр Империи отправилось сообщение:

«Цель обнаружена». Новая пауза. «Потери ожидаются критические». Далеко за пределами Урибина начали двигаться другие сигнатуры. Они приближались. Сфера произнесла:

— Это и есть твой окончательный выбор?

Даолунг кивнул.

— Другого не осталось.

— Ты сейчас уничтожишь меня?

Он медленно подошёл ближе. Положил ладонь на изменяющиеся грани. Выдержал ещё одну паузу:

— Нет, — сказал Даолунг. — Мы уйдём вместе.

Впервые за всё время Сфера не ответила сразу.

Где-то внутри корабля уже начинали пробуждаться системы перегрузки. Снаружи приближались новые суда. Аджната вдруг ощутил странное чувство. Не страх и не боль. Что-то другое. Словно вся реальность вокруг сделала вдох.

Даолунг поднял голову. Посмотрел прямо туда, где находился незримый наблюдатель. И впервые за всё время обра-

тился именно к нему:

— Здесь тебе пора уходить, — произнёс он своим неизменно спокойным голосом.

И после этих слов Аджнату словно вытолкнуло наружу. Его внимание стремительно пронеслось сквозь стены корабля, а затем вынеслось далеко за пределы поля битвы.

Теперь он видел всё сверху.

К судну, внутри которого оставался Даолунг, уже успели приблизиться остальные корабли Эартха. Они сходились со всех направлений, замыкая его в плотное кольцо. Их тёмные корпуса медленно занимали позиции, будто собираясь окончательно запечатать пространство вокруг обречённой цели.

На несколько мгновений всё замерло. А затем внутри корабля Даолунга вспыхнул свет. Сначала слабый. Потом ослепительно яркий. По корпусу побежали лучезарные линии, словно само судно начало раскрываться изнутри.

Следующее мгновение разорвало тишину. Корабль раскололся пополам и выпустил острую световую волну. Она родилась именно там. В центре. Там, где остался Даолунг. Со скоростью света волна пронеслась через всю эартхскую флотилию, разрезая корпуса, дробя металл и превращая корабли в облака раскалённых осколков.

Почти сразу за ней пришёл взрыв. Огромный. Невозможный. Он поглотил всё поле сражения, распространился че-

рез орбитальное пространство и достиг поверхности Урибина, коснувшись её своей ударной мощью. В один миг исчезло всё, словно просто было стёрто этим взрывом.

И когда остатки адской волны наконец достигли и незримого наблюдателя — Аджнаты, он проснулся.

Подскочив с кровати и пытаясь перевести дыхание, он никак не мог набрать достаточно воздуха, необходимого для успокоения своего сознания. Он ощупал свой лоб — тот был покрыт холодным потом. Руки и ноги судорожно тряслись, а из глаз не переставали течь слёзы. В конечном итоге он встал и подошёл к зеркалу в своей комнате. Посмотрев на себя, он сумел произнести тихо, но вслух::

— Спокойно. Это был сон… всего лишь сон… снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.